

В. М. Строецкий

АФРИКАНСКАЯ И СИЦИЛИЙСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИИ ДОРИЭЯ*

ИНТЕРЕСНЫМ событием, имеющим большое значение для характеристики внешней политики Спарты в конце VI в. до н. э., является попытка спартанского царевича Дориея основать колонию в Северной Африке, а затем в Западной Сицилии в 514—508 гг. до н. э.¹ Согласно Геродоту (V, 41), Дорией — второй после Клеомена сын Анаксандрида, однако Клеомен, как говорит Геродот (V, 42), был неумен и сумасброден, тогда как Дорией превосходил всех своих сверстников и был вполне убежден, что благодаря личным достоинствам получит царскую власть. Между тем после смерти Анаксандрида лакедемоняне, по существующему закону, поставили царем самого старшего из братьев Клеомена. Дорией вознегодовал, считая для себя унизительным покоряться Клеомену, выпросил у спартанцев людей и удалился с намерением основать колонию. Сначала он отправился в Северную Африку, где занял лучшую область Ливии в районе реки Киниппа. Через три года он был вытеснен оттуда и возвратился в Пелопоннес. Некоторое время спустя Дорией с теми же людьми отправился в Западную Сицилию (Herod., V, 43). Однако отряд Дориея был разбит в Сицилии финикийцами и эгестейцами и сам он погиб в сражении (Herod., V, 46).

В этом рассказе можно выделить несколько возможных источников Геродота. Прежде всего — это спартанская традиция (Herod. V, 49: «ὡς Λακεδαιμονιοῦ λέγουσι»). Причем Геродот пользовался традицией, явно враждебной Клеомену^{1а}. Следующим источником могла быть дельфийская традиция (Herod., V, 42, 43). Наконец, Геродот воспользовался также рассказами сибаритян и кротонцев (V, 44, 45). Этот сюжет Геродота стал темой интереснейшего исследования Б. Низе. Мы согласны с ученым, что в устной традиции всегда есть место для значительной доли поэтического творчества². Может быть, в рассказе, который слышал Геродот, неудача ливийского похода Дориея и его смерть в Сицилии изобра-

* Пользуюсь случаем выразить благодарность проф. К. М. Колобовой и канд. истор. наук Ю. В. Андрееву за советы и замечания, высказанные ими при чтении рукописи данной статьи.

¹ A. S. v. Stauffenberg, Dorieus, «Historia», IX, 1960, стр. 181.

^{1а} Рассказ Геродота о достоинствах Дориея и отрицательных качествах Клеомена начинается словами ὡς λέγεται (Herod., V, 42). Под ними следует подразумевать родственников первой жены Анаксандрида, ибо в предыдущей главе Геродот как раз рассказывает о распрях между родственниками обеих жен спартанского царя.

² B. Niese, Herodotstudien besonders zur spartanischen Geschichte, «Hermes», 42, 1907, стр. 450.

жались как наказание за непослушание оракула. Ведь и смерть Клеомена, согласно Геродоту, многие эллины рассматривали как наказание за козни, которые он строил в Дельфах против Демарата (Herod., V, 75). Благодаря этому усиливалась трагичность положения Дориэя. Возможно, этой же цели служит и противопоставление личных качеств Дориэя и Клеомена в рассказе Геродота. Однако нельзя согласиться с Б. Низе, что рассказ о династических распрях между Дориэем и Клеоменом — это плод фантазии если не самого Геродота, то его источника. Б. Низе сомневается в правильности утверждения Геродота, что Дориэй — старший после Клеомена сын Анаксандрида. По его мнению, он был самым младшим сыном спартанского царя и потому не мог претендовать на власть. Поэтому выведение колоний в Ливию не имело никакого отношения к династическим распрям, которых на самом деле не существовало и которые были выдуманы для того, чтобы сделать еще более трагической судьбу Дориэя³. Б. Низе смущает одно обстоятельство, которое он считал настолько важным, что позволил себе подвергнуть сомнению текст Геродота. Как известно, в Спарте порядок престолонаследия определялся по старшинству. Согласно Геродоту, Дориэй имел сына Эврианакта (Herod., IX, 10, 53, 55), который по закону должен был стать царем после смерти Клеомена. Однако, как известно, Эврианакт никогда не стал им. В связи с этим Б. Низе спрашивает, почему же Эврианакт не наследовал трон Клеомена, если его отец Дориэй был старшим после Клеомена братом. Почему опекуном малолетнего Плейстарха, сына Леонида, был не Эврианакт, а Павсаний? Это могло объясняться лишь тем, полагал Б. Низе, что Дориэй был не старшим, но самым младшим сыном Анаксандрида, родившимся уже после Леонида и Клеомброта⁴. По его мнению, якобы у Геродота последовательность сыновей Анаксандрида не совсем точно установлена⁵.

Сведений о внутренней истории Спарты очень мало. Единственным, наиболее достоверным источником по ранней внутриспартанской истории является Геродот. Подвергать сомнению его свидетельства — значит зачеркивать даже те краткие данные, которые мы имеем. В начале своей статьи Б. Низе высказал свое отношение к Геродоту, которое в принципе, правильно и с которым мы совершенно согласны. Сущность его заключается в том, что «мы можем только объяснять Геродота, но ничего не добавлять к нему»⁶. Однако как мы видим, Б. Низе отошел от этого принципа, исправляя Геродота и добавляя мысли, ему не принадлежавшие. Во всех случаях, когда Геродот сообщает о Дориэе, он с твердой уверенностью говорит о том, что Дориэй был вторым сыном Анаксандрида. Вопросы, поставленные Б. Низе, резонны, но наиболее правильный ответ на них дал, как нам кажется, К. Белох. Согласно его точке зрения, поскольку наследовать царский престол в Спарте мог лишь старший сын царя, то Эврианакт, отец которого (Дориэй) не был царем, не только не имел права на спартанский престол, но и не мог быть опекуном малолетнего Плейстарха⁷. Не исключено, что и эфоры не желали, чтобы Эврианакт, так же как и его отец (о чем будет сказано ниже), получил царскую власть. Вернемся к вопросу о династических распрях между Клеоменом и Дориэ-

³ Niese, Herodotstudien..., стр. 451—452; См. также G. Dickins, The Growth of Spartan Policy, JHS, 32, 1912, стр. 28; T. Lenschau, König Kleomenes I von Sparta, «Klio», 13, 1938, стр. 412.

⁴ Niese, Herodotstudien..., стр. 452.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 432.

⁷ K. J. Beloch, Griechische Geschichte, I (2), B., 1924, стр. 174.

ем. Согласно Геродоту, эфоры заставили Анаксандрида взять вторую жену, так как от первой у него не было детей⁸.

Вторую жену эфоры сами подыскивали для царя: это была дочь Припетада, внучка Демармена⁹. Как нам кажется, в этих действиях эфоров можно видеть стремление иметь на престоле послушного их воле царя¹⁰. Вскоре вторая жена Анаксандрида родила будущего спартанского царя Клеомена. Некоторое время спустя и первая жена родила Доризя. От второй жены у Анаксандрида больше не было детей, а первая родила впоследствии еще Леонида и Клеомброта¹¹. После смерти Анаксандрида между родственниками обеих жен началась борьба за престол¹². Одни выдвигали в качестве кандидата Доризя как самого старшего среди сыновей первой жены. Вторые выдвигали Клеомена как самого старшего среди братьев. В процессе этой борьбы все обливали друг друга грязью. Геродот сохранил лишь брань в адрес Клеомена. Цель противников Клеомена совершенно ясна, средства, с помощью которых они хотели ее осуществить, так же древни, как и современны. Враги Клеомена не просто клеветали на него. Его считали сумасшедшим и психически неуравновешенным, и это, если бы было доказано, лишило бы Клеомена власти и царем бы стал Доризь. Однако победили эфоры, так как на их стороне был закон. Клеомен, независимо от того, что родился от второй жены, был старше Доризя и потому стал царем.

Итак, как нам представляется, в основе династической борьбы между Клеоменом и Доризем лежит борьба между эфорами и царями. В настоящей статье мы не станем доискиваться ее истоков, но отметим, что, согласно некоторым источникам, эта борьба уже имела место в период правления эфора Хилона и царя Анаксандрида¹³. В это же время, как известно, происходили изменения и во внешней политике Спарты. Многие исследователи связывают эти изменения с именем эфора Хилона¹⁴. Нельзя ли в связи с этим предположить, что Анаксандрид и Доризь были

⁸ Как сообщает Геродот (V, 39), эфоры действовали таким образом потому, что боялись прекращения рода Агиадов. Но ведь первая жена на самом деле не оказалась бесплодной. Если это было официальным мнением эфоров, которое слышал Геродот в Спарте, то подлинная истина в нем скрыта; скрывать правду о своих делах было в обычае у спартянцев (Thuc., II, 39; V, 68). Однако и сам Геродот, неоднократно объясняя те или иные исторические факты, подменяет истинные причины ложными (см. B. Niese, Kritische Bemerkungen über die ältere Griechische Geschichte, «Historische Zeitschrift», 43, 1880, стр. 293; W. How, J. Wells, A Commentary on Herodotus, I, 1912, ad III, 47; J. A. Larsen, Sparta and Ionian Revolt, «Classical Philology», 27, 1932, стр. 137).

⁹ Herod., V, 41. Согласно Геродоту (VI, 65), Демармен был также отцом Хилона. Хронологически эфор Хилон и Хилон, сын Демармена, жили почти в одно и то же время. Кроме того, в один и тот же период действовали эфор Хилон и царь Анаксандрид (см. прим. 16). Поэтому, может быть, сын Демармена и эфор Хилон — это одно и то же лицо, хотя, согласно Диогену Лаэртскому (I, 68), отцом эфора Хилона был Дамагет. Но, возможно, прав Б. Низе (см. B. Niese, Chilon, RE, III, Stuttg., 1899, стб. 2279), считавший Хилона, сына Демармена, внуком известного спартанского эфора.

¹⁰ Может быть, эфоры хотели иметь своего сторонника также и в другом царском роде. Согласно Геродоту (VI, 65), дочь Хилона Перкала была обручена с Леотихидом, но потом вышло так, что она стала женой Демарата.

¹¹ Herod., V, 41. Текст не позволяет согласиться с мнением Б. Низе, что у Геродота последовательность сыновей Анаксандрида не совсем точно установлена.

¹² Борьба за престол между наследниками от различных браков — явление настолько частое в истории, что нет необходимости думать, как это делает Б. Низе, что династические распри между Клеоменом и Доризем — это плод фантазии Геродота или его источника.

¹³ Herod., V, 39—41; Diog. Laert., I, 68.

¹⁴ Dickins, The Growth..., стр. 26; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, III, 1937, стр. 501; N. G. L. Hammond, A History of Greece, Oxf., 1959, стр. 167; E. Tigerstedt, The Legend of Sparta in Classical Antiquity, «Antiquity» I, № 9, 1965, стр. 66.

выразителями прежней «империалистической» политики Спарты, сущность которой заключалась в покорении соседних земель и порабощении местного населения. Эфоры же и Клеомен стали защитниками нового направления в ее внешней политике, в основе которого лежал отказ от завоевательных войн и переход к политике конфедераций¹⁵.

Итак, оказавшись побежденным в борьбе с Клеоменом, Дорией решил покинуть Спарту и вывести колонию в Северную Африку. Б. Низе, отрицая возможность династической борьбы, исключал личную инициативу Дориея в этом мероприятии. По его мнению, и то и другое выступление Дориея представляло собой правильную колонию, организованную спартанским государством, которое снабдило экспедиции людьми и назначило в качестве ойкистов Дориея и еще четырех спартиатов¹⁶. Развивая этот взгляд Б. Низе, некоторые исследователи стремились доказать наличие у Спарты экономической заинтересованности в выведении колоний в районы Северной Африки и Западной Сицилии¹⁷. Другие же исследователи пошли еще дальше в своих утверждениях, заявив, что спартанцы стремились создать в Северной Африке колониальную империю¹⁸.

Из текста Геродота вытекает, что экспедиции Дориея были колониальными мероприятиями. Спартанское государство имело к ним непосредственное отношение, Дорией не мог предпринять столь далекие походы без санкции государства. Что лакедемоняне разрешили Дориею организовать экспедиции в Африку и Сицилию, подтверждается свидетельством Геродота, согласно которому спартанское правительство предоставило Дориею людей и выделило четырех спартиатов в качестве ойкистов. Однако текст Геродота позволяет, как нам кажется, в какой-то степени уточнить выводы Б. Низе. Как сообщает Геродот, Дорией, выпросив у спартанцев людей (Herod., V, 42: ... αἰτήσας ἄνδρων Σπαρτιατῶν...), отправился выводить колонию (V, 42: ... ἦγε ἐς ἀποικίην) в Северную Африку, не посоветовавшись с оракулом и не исполнив ничего, что было предусмотрено обычаем (V, 42: οὔτε τῶν ἐν Δελφοῖσι χρηστηρίῳ χρησάμενος ἐς τῆτιναι ἤν χτισῶν ἴη, οὔτε ποιήσας οὐδὲν τῶν νομιζομένων). Поэтому, может быть, экспедицию в Ливию нельзя назвать с полным основанием правильной колонией, организованной спартанским государством. Во-первых, фраза «выпросив у спартанцев людей» наводит на мысль, что лакедемоняне

¹⁵ Par. Ryl. I (FGH, II A, fr. 105, 1, стр. 504; комментарий см. FGH, II C, стр. 336 и сл.). Если интерпретация этого фрагмента, предложенная Г. Дикинсом (The Growth..., стр. 26), правильна, то Хилон, ведя борьбу с тиранческими режимами в Элладе, находился во вражде с Анаксандридом (στισσῶσας Ἀναξανδρίδην). Пропагандируя основные принципы своей политики, эфоры положили в основу пропаганды не дорийские, но ахейские традиции (см. G. Busolt, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, I, Лpz, 1878, стр. 48 сл.; F. Pfister, Der Reliquienkult im Altertum, 1909, стр. 75—77; A. Lesky, Oresteia, RE, Hbhd 35, Stuttgart, 1939, стб. 1007—1009; C. M. Bowra, Greek Lyric Poetry, 1961, стр. 112 сл., 246 сл.; G. L. Huxley, Early Sparta, L., 1962, стр. 68 сл.). Может быть, сторонники первой жены Анаксандрида, назвав ее старшего сына Дорием (Дориев), надеялись с его помощью восстановить старые дорийские традиции во внешней политике Спарты и вернуть спартанским царям их былую власть и силу. Ведь экспедиции Дориея в Северную Африку и Западную Сицилию носили явно завоевательный характер, причем поход в Западную Сицилию Дорией оправдывал, как известно, дорийской традицией о принадлежности в древности всей земли Эрика Гераклу (Herod., V, 43).

¹⁶ Niese, Herodotstudien..., стр. 452; Г. Дикинс (The Growth..., стр. 28) высказал предположение, что эти экспедиции подготовил Клеомен, а Дорией стал ойкистом колоний. Однако его точка зрения бесосновательна, а если принять во внимание существование династических распрей между Клеоменом и Дорием, то и совершенно не приемлемо.

¹⁷ J. Murges, SAN, III, 1925, стр. 668; P. N. Ure, SAN, IV, 1926, стр. 111—112; S t a u f f e n b e r g, Dorieus..., стр. 183, 191—195; Huxley, ук. соч., стр. 78.

¹⁸ Meuer, Geschichte des Altertums, III, стр. 749; S t a u f f e n b e r g, Dorieus..., стр. 185, 198.

не по своей воле предоставили Доризю контингент колонистов, но будучи убеждены им. Во-вторых, Доризь не посоветовался с Дельфийским оракулом о месте выведения колонии. Это, возможно, объяснялось тем, что Дельфы были против этой экспедиции¹⁹. В-третьих, как нам кажется, текст Геродота не позволяет считать, что те же четыре спартиата, которые возглавили вместе с Доризем поход в Западную Сицилию, непременно должны были также стоять и во главе экспедиции в Ливию²⁰. В-четвертых, существуют и непосредственные доказательства, на основании которых можно с уверенностью сказать, что когда организатором колонии было спартанское государство, то оно, прежде чем отправить колонистов, исполняло все, что при этом предусматривалось обычаем. Так, согласно Фукидиду (III, 92), в 426 г. до н. э. лакедемоняне решили вывести колонию в Трахинию. Прежде всего они обратились в Дельфы²¹ и по совету оракула отправили колонистов из своей среды и из перизков, выделив в качестве руководителей трех спартиатов. Поэтому нам представляется возможным предположить, что экспедиция в Северную Африку, хотя и была санкционирована правительством лакедемонян, — это скорее мероприятие Доризя, чем спартанского государства. Что касается выведения колонии в Западную Сицилию, то в этом случае вполне можно согласиться с мнением Б. Низе. Здесь, так же как и в случае, рассказанном Фукидидом, спартиаты, прежде чем отправить колонистов, исполнили все, что полагалось по обычаю (Herod., V, 46). Однако наблюдения над текстом Геродота, как нам кажется, позволяют высказать некоторые предположения по поводу особенностей спартанской колонизации.

Приведенная нами выше фраза Геродота (*αἰτίσας λέων Σπαρτιήτας*) важна как для объяснения событий, связанных с мероприятиями Доризя, так и для характеристики одного из аспектов внутренней политики Спарты. Лакедемоняне, как известно, тщательно заботились о том, чтобы не уменьшалось количество граждан-спартиатов. Эти слова Геродота могут служить доказательством того, что свободный выезд из Спарты был запрещен²². Если это так, то можно предположить, что спартанское правительство держало под своим контролем организацию новых колоний и по своему усмотрению подбирало будущих колонистов, ограничив при этом для спартиатов возможность широкого участия в колонизации. Так, уже при выведении колонии в Тарент спартиаты набрали колонистов для основания нового поселения главным образом из среды неполноправного населения (так называемых парфениев)²³. Что касается участия в этом мероприятии спартанских граждан, то в источниках об этом ничего не говорится, однако принимая во внимание, что ойкистом колонии был спартиатец Филант²⁴, можно предположить, что какая-то часть самих спартиатов была отправлена лакедемонянами на новое место жительства. Можно думать, что при наборе колонистов в Ливию и Западную Сицилию спартиаты поступили таким же образом. Т. Данбебин полагает, что в экспедициях Доризя одних только лакедемонян насчитывалось

¹⁹ И. Ш. Шпифман, Возникновение Карфагенской державы, М.—Л., 1963, стр. 77.

²⁰ Herod., V, 42 и V, 46.

²¹ Важно отметить, что и при выведении колонии в Тарент лакедемоняне отправили ее ойкиста Фаланта в Дельфы получить предсказание оракула (см. Strabo, VI, 3, 2—3; Paus., X, 6—8; Dion. Hal., XIX, 2; Just., III, 4).

²² Ср. выведение афинянами колонии в Херсонес Фракийский при Писистрате. Согласно Геродоту (VI, 36), Мильтиад, сын Кипсела, взяв всех афинян, которые желали принять участие в выселении (*παράλαβων Ἀθηναίων πάντα τὸν βουλούμενον μετέχειν τῷ στόλῳ*), отплыл вместе с долонками и занял эту землю.

²³ Arist., Pol. 1306b, 29; Strabo, VI, 3, 2—3; Dion., XV, 66, 3; Paus., X, 10, 6—8; Dion. Hal., XIX, 2; Just., III, 4.

²⁴ Там же.

около 1000 человек²⁵. Однако нам кажется, что автор слишком преувеличивает это число. Ведь мы не знаем, действительно ли каждый из пяти спартанских руководителей управлял триерой. Даже если считать, что на борту триеры умещалось двести человек, то неизвестно, были ли они все лакедемонянами. Кроме того, трудно допустить, чтобы спартанское правительство буквально накануне войны с Афинами отправило за пределы государства такое число граждан, фактически теряя их навсегда. Необходимо также отметить, что, по сообщению Фукидида²⁶, лакедемоняне открывали широкий доступ для участия в колонии представителям других городов. Это же имело место, как мы попытаемся показать ниже, и в случае, рассказанном Геродотом. Этот факт имеет немаловажное значение, подтверждая, с одной стороны, высказанную выше мысль о всяческом ограничении спартанским правительством возможности широкого участия в колонизации полноправных граждан. Поэтому, если бы колония ожидалась только на спартанском и перизкском контингенте, она фактически была бы нежизнеспособной. С другой стороны, этот факт показывает, что лакедемоняне и с помощью колонизации проводили в жизнь свои гегемонические идеи²⁷. Это особенно подтверждается тем, что несмотря на широкие возможности для представителей других городов участвовать в колонизации, спартанцы предпочитали иметь в качестве ойкистов людей из своей среды²⁸. Возможно, к особенностям спартанской колонизации следует отнести также и то, что лакедемоняне обычно ставили во главе колонии нескольких ойкистов.

При выяснении причин, обусловивших выступление Дориэя, возникают два важных вопроса. Было ли поражение Дориэя в борьбе с Клеоменом за власть единственной и главной причиной, объясняющей выведение колонии в Ливию и Западную Сицилию, и чем объяснить, что именно эти районы выбрали Дориэй и его спутники конечными пунктами своей экспедиции. В истории греческой колонизации VIII — VII вв. до н. э. нередки случаи, когда ойкистами становились люди, потерпевшие поражение в политической борьбе. Однако само по себе поражение было лишь поводом к выведению колонии. Подлинные же причины скрывались в экономическом развитии самих метрополий, которые пытались за счет колонизации разрешить проблему обезземеливания граждан и удовлет-

²⁵ T. Y. D u n b a b i n, *The Western Greeks*, Oxf., 1948, стр. 352.

²⁶ T h u c., III, 92. То, что спартанцы отказали ионийцам, ахейцам и представителям некоторых других племен в возможности принять участие в колонизации, может быть, объясняется прежде всего политическими мотивами. Ведь это было время Архидамовой войны, а лакедемоняне, как сообщает Фукидид, выводя колонию в Трахинию, стремились получить стратегический плацдарм для нападения на Аттику и Эвбею и для проникновения на фракийское побережье.

²⁷ Ср. выведение Афинами колонии Фурии в 444/43 г. до н. э. Перикл, основывая новый город на месте Сибариса, разрушенного в третий раз Кротонем около 448/47 г. до н. э. (P i o d., XI, 90, 2; XII, 10, 2), стремился под маской панэллинских идей (колония, как известно, объединяла эллинов из различных городов Эллады) распространить влияние Афин на Западе (см. V. E h r e n b e r g, *The Foundation of Thurii*, в кн. «*Polis und Imperium*», 1965, стр. 289—315, особенно см. стр. 306—307, 309—310).

²⁸ Обычно когда при основании колонии участвовали несколько городов, то колонисты каждого из них имели своего ойкиста (см. T h u c., VI, 3, 5). Для спартанских колоний в Африке и Сицилии снова напрашивается сравнение с афинской колонией Фурии. Согласно Диодору (XII, II, 3; 35, 3), в основании этой колонии приняли участие представители десяти различных греческих общин. Однако во главе колонии Диодор называет афинян Лампона и Ксенокрита (XII, 10, 3; 35, 3), причем оба были ближайшими сторонниками Перикла. Так, Плутарх (P l u t., Per. VI, 2) отмечает, что Лампон, будучи хреспологом, предсказывал поражение противнику Перикла Фукидиду, сыну Мелесия, а согласно анонимному биографу Фукидида (историка) (Vita Anon. Thuc. § 6—7), Ксенокрит изгнал его остракизмом. Правда, сходства к «Облакам» Аристофана (Schol. Aristoph. Nub. 332) называет в качестве руководителей колонии десять человек, но и он отмечает, что выдающееся положение среди них занимал Лампон.

ворить потребности развивающейся торговли и ремесла или, как в случае Афин, создать опорные военные поселения — клерухии. Поражение Дорией, конечно, также не могло быть главной и единственной причиной выведения колоний в указанные районы. Мы совершенно согласны с теми исследователями, которые рассматривают как повод этот факт. Однако с выяснением подлинных причин спартанской колонизации дело обстоит гораздо сложнее, чем в случае с колонизацией VIII — VII вв. до н. э. Эта трудность дает себя знать уже при попытке выяснить подлинные причины выведения лакедемонянами колонии в Тарент. Эти события нашли широкое отражение в источниках, причем сведения восходят к авторам IV в. до н. э. Эфору и Антиоху Сиракузскому²⁹. Однако исторические факты в этих свидетельствах очень трудно выявить, потому что они находятся под покровом мифологических наслоений. Основание этой колонии исследователи относят к 706 г. до н. э.³⁰ VIII — VII вв. до н. э. в истории Спарты, как показывают раскопки Британской археологической школы, — это период ее экономического расцвета³¹. Однако в источниках мы не найдем ни одного факта, подтверждающего, что выведение этой колонии диктовалось потребностями развития спартанского ремесла и торговли. Если считать, что историческим свидетельством Эфора и Антиоха является рассказ о попытке некоторой части неполноправного населения Спарты организовать заговор против граждан с целью уравнивать себя в правах со спартиатами, то главной причиной выведения этой колонии, как это вытекает из тех же источников, было стремление спартанцев удалить из государства беспокойные элементы. Но можно предположить, что кроме этой причины существовала и другая. Согласно Эфору, спартанцы обещали колонистам, что если те не смогут закрепиться в новом поселении, то по возвращении в Спарту им будет выделена $\frac{1}{5}$ завоеванной территории Мессении для наделения клерами³². На этом основании можно полагать, что заговорщики, будучи не полноправными гражданами, нуждались в земле³³. Поэтому лакедемоняне, не желая еще более дробить уже поделенную на клеры землю и стремясь восстановить в государстве порядок, решили избавиться от недовольного населения, отправив его в колонию. Однако на этом основании нельзя сделать вывод, что Спарта, так же как и другие полисы, решала проблемы, связанные с обезземеливанием граждан, с помощью колонизации, потому что в нашем примере речь шла не о гражданском населении. При этом важно отметить, что Тарент — единственная колония, основанная Спартой в период ее экономического подъема, хронологическими рамками которого, по мнению археологов, были VIII — начало VI вв. до н. э. Это говорит о том, что Спарта не видела для себя необходимости участвовать в колонизационном движении VIII — VII вв., которое охватило в это время большинство развитых греческих полисов. В имеющихся сведениях о попытках Дории вывести колонии в Ливию и Западную Сицилию мы также не находим фактов, позволяющих говорить об экономической заинтересованности

²⁹ E p h o r, fr. 216 (FGrH II A, стр. 105 сл.); A n t i o c h., fr. 13 (FGrH III B' стр. 550 и сл.). Комментарии см. FGrH, III B (1), 1955, стр. 496; III B (2), 1955, стр. 296.

³⁰ D u n b a b i n, ук. соч., стр. 29 сл., 146 сл.; J. B e r a r d, La colonisation Grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile dans l'antiquité, 1957, стр. 169 сл.

³¹ См. Excavations at Sparta, BSA, XII—XVI, 1905/6 — 1909/10; BSA, XXVI—XXIX, 1923/25—1927/28; R. M. D a w k i n s, The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta, 1929, особенно см. E. A. L a n e, Laconian Vase Painting, BSA, XXXIV, 1933/34, стр. 99—189.

³² E p h o r, fr. 216 (FGrH II A, стр. 105 и сл.); S t r a b o, VI, 3, 3.

³³ A n t i o c h, fr. 13 (FGrH III B, стр. 550 и сл.); S t r a b o, VI, 3, 2. Об оракуле данному спартанцам, говорит следующее: «Сатирион тебе дал и тучные нивы Таранта...!»

самой Спарты в этих экспедициях. Дж. Майрс и П. Юр, ссылаясь на находки киренской керамики в Спарте, полагали, что между Спартой и Киреной были широкие торговые отношения, которые и обусловили поход Дориэя в Ливию³⁴. Однако Е. Лейн убедительно показал, что керамические изделия, найденные в Спарте и приписываемые киренскому производству, на самом деле имеют лаконское происхождение³⁵. Кроме того, даже в пору своего наивысшего экономического расцвета Спарта вела торговые операции главным образом через посредников. В настоящее время твердо установлено, что одним из таких посредников во взаимоотношениях лакедемонян с другими государствами был Самос³⁶. Важно также отметить, что экспедиции Дориэя приходятся как раз на период экономического спада в Спарте, начавшегося во II половине VI в. до н. э. (ухудшение качества ремесленных изделий и ограничение торговых связей).

Существует единственное свидетельство Геродота, которое исследователи используют для подтверждения того, что выступление Дориэя в Ливию могло быть обусловлено экономическими причинами³⁷. Согласно Геродоту (VII, 158), спартанцы и афиняне перед походом Ксеркса отправили посольство к Гелону с просьбой выступить вместе с ними против персов. Он же в гневе упрекал их в том, что они не помогли ему в борьбе с карфагенянами и не отомстили за смерть Дориэя эгестянам, как он их просил об этом, обещая им помочь освободить от варваров места торговли, доставлявшие эллинам большую выгоду и прибыль (*ὀποσιωντος τε τῆ ἐμπορίας συνελθευθερόν ἀπ' ὧν ὅμιν μεγίστη ὄφελια τε καὶ ἐπαυρόσιες γέγονασι*). Посольство к Гелону имело место в 481 г. до н. э., так что этот год можно считать *terminus ante quem* Гелон мог обратиться в Спарту за помощью. Юстин в кратком свидетельстве говорит следующее (XIX, 1, 9): «Сицилийские народы по причине беспрестанных притеснений от карфагенян, прибегнув к покровительству Леонида, брата царя спартанцев, начали тяжкую войну, которая долго длилась с переменным успехом» (*Siciliae populi propter adsiduas Karthageniensium iniurias ad Leonidam fratrem regis Spartanorum concurrentibus, grave bellum natum, in quo et diu et varia victoria proeliatum est*). Обычно текст исправляют на «ad Leonidae fratrem» и вставляют <Dorieum>³⁸. Но Т. Данбебин предложил остроумный и вполне приемлемый вариант интерпретации без исправления текста Юстина. Он полагает, что обращение относилось к Леониду, брату царя Клеомена. Это мог быть 489 год, т. е. год, когда Гелон уже установил свою власть в Геле, а Леонид еще не стал царем Спарты³⁹. Обращение направлено к Леониду, а не к Клеомену, так как последний в это время был вовлечен в интриги против спартанского государства. Однако, возможно, обращались к Леониду и по той причине, что он был родным братом Дориэя, а Клеомен находился с ним во вражде и был против его мероприятия. Таким образом, обращение Гелона, о котором говорит Геродот, могло относиться к 489 г. Контекст не дает прямых указаний на то, что эмпорией доставлял выгоду и прибыли именно Спарте. Не будет ли поэтому правильнее предположить, что Гелон, говоря о прибылях от эмпорией для эллинов, имел в виду прежде всего те греческие полисы,

³⁴ См. прим. 17.

³⁵ Lane, *Laconian Vase...*, стр. 157, № 5, 161—162, 182—185.

³⁶ Roebuch, *Ionian Trade and Colonisation*, N. Y., 1959, стр. 82.

³⁷ Stauffenberg, *Dorieus...*, стр. 196—198.

³⁸ Meyer, *Geschichte des Altertums...*, III, стр. 750; Paretti, *Studi Siciliani ed Italioti*, Florenz, 1920, стр. 28; Verard, *ук. соч.*, стр. 259 сл.; Шифман, *ук. соч.*, стр. 76.

³⁹ Dunbabin, *ук. соч.*, стр. 411; см. также Stauffenberg, *Dorieus...*, стр. 191.

которые активно торговали в этих районах и для которых этруски и карфагеняне были основными противниками ⁴⁰.

А. Штауфенберг, исследуя мотивы африканской и сицилийской экспедиций Дориэя, высказал следующую мысль ⁴¹. После покорения Камбизом Египта и скифского похода Дария для персов был открыт путь в Грецию по суше и по морю. Жизненное пространство греков оказалось под угрозой персидского нашествия с Востока и Юга, этрусков и карфагенян с Запада. Спарта в конце VI в. до н. э. могла уже чувствовать эту угрозу и решила предпринять контрнаступление, полагая, что наиболее угрожающее положение складывалось для греческих полисов в Северной Африке и Западной Сицилии. Однако совсем непонятно, почему лакедемоняне должны были заботиться о районах, где они фактически не имели своих колоний, в то время как на все греческие полисы и спартанский в том числе надвигалась действительная угроза со стороны Персии. Не удовлетворяясь высказанной идеей, А. Штауфенберг отмечает, что была еще более глубокая причина, обусловившая выступление Дориэя ⁴². По его мнению, Спарта организовала этот поход с целью восстановить свой престиж, пошатнувшийся после неудачной экспедиции против Поликрата. Однако считая экспедицию Дориэя основой всей спартанской внешней политики, автор фактически упускает из виду, что в это время в Спарте шла острая политическая борьба за власть между Дориэем и Клеоменом, за которыми стояли целые группировки. В этих условиях, возможно, сама идея отправить экспедицию в Ливию или Западную Сицилию должна была вызвать жаркие споры в народном собрании ⁴³. Всякие раздоры между царями, как известно, выгодны прежде всего эфорам и поэтому несмотря на то, что Клеомен, видимо, и был их ставленником, они не прочь были воспользоваться этими спорами. Кроме того, следует отметить, что если рассматривать экспедицию в Ливию и Западную Сицилию как одно из возможных направлений спартанской внешней политики, которое отстаивали Дориэй и его сторонники, то в качестве альтернативы ему можно противопоставить другое направление, в котором был заинтересован Клеомен и к которому склонялись эфоры. Так, например, после поражения самосской экспедиции ⁴⁴ спартанцы отказывались от всяких заморских мероприятий. Это прекрасно подтверждается действиями Клеомена, который не без поддержки эфоров и герусии отказал в помощи Меандрию из Самоса (Herod., III, 148—149), Аристагору из Милета (V, 49—51) и, вероятно, оставил без ответа просьбу скифских послов (Herod., VI, 89). В это же время Клеомен стремился сосредоточить внимание спартанской внешней политики на материке и старался распространить влияние Спарты на Среднюю Грецию. С этой целью он стал проводить политику изоляции афинского государства от его союзников: около 520 г. Спарта нанесла тяжелое поражение Аргосу, основному союзнику Афин ⁴⁵. В 519 г. лакедемоняне благодаря ловкому дипломатическому

⁴⁰ Афины в это время еще не вышли на арену широкой внешней торговли, не имея флота, не были активны в этих районах. Спарта же, как мы уже отмечали, в этот период переживала экономический застой и, вероятно, также не могла иметь тесных связей с эмпорием.

⁴¹ S t a u f f e n b e r g, Dorieus..., 183.

⁴² Там же, стр. 184.

⁴³ Ср. подготовку сицилийской экспедиции в Афинах (Thuc., VI, 8—30).

⁴⁴ Имеются сведения о том, что Клеомен был против самосской экспедиции (см. Plut., Moral. 223d, 7).

⁴⁵ Herod., VI, 77; Paus., III, 4, 1. Ср. J. Wells, Studies in Herodotus, Oxf., 1923, стр. 74; Lenschau, König Kleomenes..., стр. 417 сл.; E. Will, Korinthiaka, P., 1955, стр. 638; С. А. Жебелев, Политика Аристотеля, пер. С. А. Жебелева, М., 1911, стр. 212. Но против этой даты см. Meyer, Geschichte des

маневру поссорили Афины с Фивами ⁴⁶. В 512/11 г. Спарта вступила в войну с Афинами ⁴⁷.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют с достаточной степенью убедительности говорить лишь о политических причинах, согласно которым спартанское правительство разрешило Дориэю основать новое поселение в Северной Африке, снабдив его людьми, а при выведении колонии в Западную Сицилию приняло активное участие в ее организации. В основе спартанской внешней политики лежало стремление утвердить гегемонию в Греции. Выведение колоний в Северную Африку и Западную Сицилию нисколько не противоречило этим целям, поскольку таким образом в этих районах возникли бы очаги спартанского влияния. Кроме того, возможно, существовала опасность, что дальнейшее обострение политической борьбы могло перерасти в беспорядки, которые были особенно нежелательны в условиях назревающей войны с Афинами. Поэтому эфоры, удовлетворяя просьбу Дориэя, добивались также укрепления внутреннего положения в государстве.

Сейчас мы пытались вскрыть внутренние причины, обусловившие экспедицию Дориэя. Однако могли быть и внешние причины, выяснение которых тесно связано с решением вопроса, почему Дориэй и его спутники выбрали именно Северную Африку и Западную Сицилию в качестве конечных пунктов своего следования. Для того, чтобы решить эту проблему, важно вспомнить, что все мероприятия лакедемонян, — свершившиеся и несвершившиеся за пределами Пелопоннеса, — обязательно связаны с обращением каких-либо политических деятелей или государств к спартацам за помощью. Нельзя ли предположить, что и в данном случае некоторые государства были более всего заинтересованы в подобной экспедиции и возлагали на Спарту большие надежды. Однако прежде чем ответить на этот вопрос, следует выяснить состав экспедиции Дориэя. Прежде всего нужно сказать, что в основной состав экспедиции входили, главным образом, не лакедемоняне. Выше мы уже отмечали, что спартанское государство не могло выпустить за пределы страны значительное число своих граждан. Согласно Геродоту (V, 42), жители Феры приняли активное участие в африканском походе Дориэя и были даже проводниками. Кроме них в этой экспедиции участвовали также жители Самоса ⁴⁸. Вместе с Дориэем в поход отправились также 100 афинян ⁴⁹, которые были заложниками Писистрата на острове Наксосе (Herod., I, 64). Их впоследствии освободили спартацы, свергнувшие тиранию Лигдамида ⁵⁰. В составе экспедиции Дориэя был Филипп из Кротона, который на собственный счет снарядил триеру (Herod., V, 47).

Дориэй со своим отрядом сделал остановку в Кирене, где также, вероятно, к нему присоединились люди (Herod., V, 47). Есть основание предположить, что ферийцы, самосцы и другие участники экспедиции наиболее

Altertums, стр. 300; E. Walker, CAH, IV, 1926, стр. 164; H. Bengtson, Griechische Geschichte, München, 1960, стр. 156.

⁴⁶ Herod., VI, 108; Thuc., III, 68. Ср. Beloch, Griechische Geschichte, I (1), стр. 391; Meyer, Geschichte des Altertums, III, стр. 723; Lenschau, König Kleomenes..., стр. 421 сл.; Will, ук. соч., стр. 640 сл.; Hammond, A History of Greece, стр. 181; Huxley, ук. соч., стр. 77; A. H. Jones, Sparta, 1967, стр. 49. Против этой даты G. Busolt, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, I, 1878, стр. 309; он же, Griechische Geschichte, II, 1895, стр. 399, № 4; K. Wiekert, Der Peloponnesische Bund von seiner Entdeckung bis zum Ende Archidamischen Krieges, 1961, стр. 20; J. L. Myers, Herodotus Father of History, Oxf., 1966, стр. 186.

⁴⁷ Herod., V, 63—65; 72—76.

⁴⁸ Dickins, The Growth..., стр. 28.

⁴⁹ Paus., III, 16, 4. Ср. Dickins, The Growth...; Dunbabin, ук. соч., стр. 352; Stauffenberg, Doriæus..., стр. 189.

⁵⁰ Там же.

всего способствовали выведению колонии в Ливию. Литературная традиция сохранила факты, подтверждающие тесную связь Феры и Самоса с Северной Африкой и, в частности, с Киреной. Согласно Геродоту, Фера была колонией лакедемонян (Herod., IV, 147—148). Но следует заметить, что вопрос о том, можно ли считать Спарту метрополией Феры, в настоящее время не решен⁵¹. Однако даже если Спарта и не была метрополией Феры, то имеющиеся у нас сведения источников позволяют говорить о тесных связях между этими государствами. В середине VII в. до н. э. ферийцы вместе с критянами заняли остров Платею недалеко от будущего города Кирены (Herod., IV, 151, 154—156). Спустя некоторое время и самосцы достигли того острова (Herod., IV, 152). Другая же группа самосцев заселила оазис поблизости от египетских Фив (III, 29). После основания колонии Кирены⁵², говорит Геродот (IV, 152), между жителями Кирены, Феры и Самоса установились очень дружественные отношения⁵³. События, которые происходили в Кирене накануне экспедиции Доризя, подтверждают заинтересованность определенной части киренцев в выведении новой колонии в Ливию⁵⁴. В последней четверти VI в. до н. э., в царствование Аркесилая III в Кирене обострилась политическая борьба. Аркесилай стремился вернуть привилегии царской власти, которые фактически были потеряны в результате конституции, принятой около 570 г. до н. э.⁵⁵. Сначала Аркесилай потерпел поражение и бежал на Самос, а его мать Феретима — на Кипр (Herod., IV, 162). Благодаря помощи Поликрата Аркесилай вернулся на родину, установив свое господство и расправившись с противниками. Однако когда царь прибыл в Барку, то жители города и некоторые киренские изгнанники, бежавшие сюда, убили его. После смерти Аркесилая в Кирене и Барке началось восстание (Herod., IV, 164—165). Мать Аркесилая Феретима бежала в Египет, где персидским наместником был Арианд (IV, 165), которого она просила помочь ей, ссылаясь на то, что Аркесилай передал Кирену Камбизу и уплачивал ему дань (Herod., III, 13). Арианд предоставил Феретиме крупное сухопутное войско и флот. Город Барка был взят, и над его жителями Феретима свершила страшную расправу (Herod., IV, 201—202). Фактически в Кирене и Барке власть захватили сторонники Аркесилая.

Киренские изгнанники продолжали жить на чужбине. Часть этих изгнанников, которых Аркесилай отправил на Кипр для умерщвления,

⁵¹ Согласно Геродоту, колонизация Феры имела место во время Эврисфена и Прокла, что соответствует началу XI в. до н. э. Х. фон Гертринген (см. Gaertingen, *Thera*, RE, X A, Stuttg., стб. 2279 сл.) считает, что в послемикенское время (после XII в. до н. э.) Феру заселили дорийцы, пришедшие из Крита и Арголиды. Л. Мальтен (см. L. Malten, *Kyrene*, «Philologische Untersuchungen», 20, 1911, стр. 166 сл., 180 сл.) полагал, что дорийцы заселили Феру около 1000 г. до н. э., но спартанцы вторглись на остров только в VI в. до н. э. Е. Тигерштедт (ук. соч., стр. 44) допускает, что Фера была колонизована спартанцами вскоре после завоевания Лаконии, но определенной даты он не дает. Дж. Бордман (см. J. Boardman, *The Greek Overseas*, 1964, стр. 170) считает, что Фера была заселена дорийскими греками около VII в. до н. э. Г. Бенгтсон воздерживается от какого-либо определенного решения (см. Bengtson, ук. соч., стр. 45, 97).

⁵² Наиболее правильная датировка колонизации Кирены — около 631/30 г. См. R. Ногн, *Kyrene*, «Die Antike», 19, № 3, стр. 169; F. Шамоу, *Kyrene sous la monarchie des Battiades*, P., 1952, стр. 80 сл.; Dунбабин, ук. соч., стр. 339; К. М. Колобова, Из истории раннегреческого общества, Л., 1951, стр. 194—198; Шифман, ук. соч., стр. 58.

⁵³ Свидетельства литературных источников подтверждаются данными археологии, см. Воевуч, ук. соч., стр. 72, 82; Вогдман, ук. соч., стр. 172.

⁵⁴ Мы не можем согласиться с категорическим утверждением Ф. Шамо (см. Шамоу, ук. соч., стр. 162 сл.), что Кирена была настроена против мероприятия Доризя.

⁵⁵ Herod., IV, 161; Колобова, ук. соч., стр. 196; Шамоу, ук. соч., стр. 139—142, 387. Но Мейер (Meuser, *Geschichte des Altertums...*, стр. 626) датирует возникновение новой политической организации в Кирене временем около 550 г.

бежала на Феру (Herod., IV, 164) и вместе с жителями Феры, вероятно, приняла участие в экспедиции Доризя. Возможно, в мероприятиях Доризя были заинтересованы также родосцы и книдяне. Первые, как показывает К. М. Колобова⁵⁶, на протяжении VI в. до н. э. были тесно связаны с Киреной и даже претендовали на роль основателей этой колонии. Вторые, как передает Геродот (IV, 164), приняли активное участие в деле киренских изгнанников и помогли им бежать на Феру. Родос и Книд были заинтересованы в том, чтобы предотвратить угрозу распространения финикийского (карфагенского) влияния в Северной Африке. Это находит свое подтверждение в том, что около 580—576 гг. до н. э. книдяне и родосцы предприняли экспедицию под руководством Пентатла в Западную Сицилию и основали колонию в Лилибее, однако финикийцы и эламяне, объединившись, изгнали их⁵⁷. Все это дает полное основание согласиться с утверждением И. Ш. Шифмана, что настоячивость, с которой Доризь стремился обосноваться в сфере карфагенского влияния в Африке, а затем в Западной Сицилии, была следствием определенной последовательной политики греческих полисов, направленной на вытеснение карфагенян из Западного Средиземноморья⁵⁸.

Как сообщает Геродот (IV, 178—179), были изречения оракула, согласно которым остров Фла в Тритонидском озере должен быть заселен лакедемонянами, а на ближайшей к озеру территории должно возникнуть 100 эллинских городов — это как раз тот район, куда плыл Доризь. Некоторые исследователи пытаются использовать это известие как доказательство того, что лакедемоняне стремились здесь создать целую колониальную империю⁵⁹. Но нам кажется более правильным предполагать, что о существовании подобных изречений говорили в Спарте ферийцы и киренские изгнанники, будучи заинтересованными в получении спартанской помощи. Ведь текст Геродота не позволяет сделать вывод, что эти изречения принадлежали дельфийскому оракулу⁶⁰.

Итак, Доризь в 514 г. до н. э. вместе с отрядом, в котором подавляющее большинство составляли не лакедемоняне, но ферийцы, киренцы, самосцы и другие, отправился в Северную Африку. Колония, вероятно, была основана на побережье Киниппа. Колонисты жили там в течение трех лет, а затем их изгнали оттуда карфагеняне и местные ливийские племена⁶¹. После изгнания Доризя карфагеняне основали свою колонию Leptis Magna поблизости от устья реки Киниппа⁶² и, таким образом, утвердили свой контроль над этим районом. Вероятно, с этим следует связать обращение Гелона к спартамцам, призывающее отомстить за смерть Доризя и помочь ему освободить от варваров эмпорий. В настоящее время большинство исследователей локализуют эмпорий в том районе Африки, который ближе всего к Сицилии⁶³, т. е. ту область, где собирался обосноваться Доризь. После неудачного похода в Северную Африку Доризь со своими спутниками вернулся в Пелопоннес и некоторое время спустя предпринял новую экспедицию в Западную Сицилию. Это мероприятие

⁵⁶ Колобова, ук. соч., стр. 196—198.

⁵⁷ Diod., V, 9; Paus., X, 11, 3.

⁵⁸ Шифман, ук. соч., стр. 77.

⁵⁹ См. прим. 18.

⁶⁰ По крайней мере, одно из них совершенно точно не принадлежало дельфийскому оракулу (Herod., IV, 179).

⁶¹ Herod., V, 42. Развалины поселения на Киниппе сохранились еще во времена Скилака (см. P. S. Skylak., 109).

⁶² Meuser, Geschichte des Altertums, III, стр. 749.

⁶³ Arist., Pol. 1259a 25; Polyb., I, 82, 6; III, 23, 2; Liv., XXIX, 25, 12; XXXIV, 62, 6. Ср. Dunbabin, ук. соч., стр. 412; Stauffenberg, Dorieus..., стр. 196.

не было для Дориея a leap in dark. Как выше уже отмечалось, подобную экспедицию совершил Пентатл во главе книдян и родосцев в 70-е годы VI в. до н. э. Учитывая, что они стремились вытеснить своих соперников-финикийцев как из Северной Африки, так и из Западной Сицилии, мы склонны предположить, что родосцы и книдяне были более всего заинтересованы в этой экспедиции и приняли в ней активное участие. Как известно, Дорией оправдывал цель своего похода традицией, согласно которой вся страна Эрика некогда была приобретена Гераклом, а потому по праву принадлежала Гераклидам⁶⁴. По дороге в Сицилию Дорией, вероятно, принял участие в войне между Сибарисом и Кротоном⁶⁵. О его пребывании в Сицилии, кроме Геродота, упоминают также Диодор и Павсаний. Б. Низе предполагал, что их сведения не представляют большой ценности⁶⁶. Тем не менее, поскольку сведения Диодора и Павсания носят самостоятельный характер⁶⁷, их следует рассматривать как дополнение к тому, что сообщает Геродот. После разгрома Сибариса Дорией отправляется в Западную Сицилию. Согласно Геродоту (V, 46) он был сразу же разбит финикийцами и эгестейцами. Диодор и Павсаний говорят, что Дорией основал колонию Гераклею (Diod., IV, 23, 2; Paus., III, 16, 4), однако карфагеняне увидели в этом угрозу и разрушили ее. Как сообщает Геродот, Дорией погиб, потому что нарушил повеление оракула (V, 45). Подобное объяснение имеет своим источником дельфийскую традицию, дельфийские жрецы *post factum* стремились оправдать неудачу своего предсказания Дориею. Неудача экспедиций объясняется скорее всего тем, что силы Дориея были слишком малочисленны для того, чтобы противостоят финикийцам, эгестейцам и эламьям. Греки, как известно, так и не сумели очистить Западную Сицилию от варваров. Что касается Спарты, то походы Дориея окончательно разрушили у эфоров иллюзии, если таковые у них еще оставались после провала самосской экспедиции, о распространении лакедемонского влияния с помощью заморских походов. Во внешней политике восторжествовало то направление, сторонником которого был Клеомен. Это прекрасно подтверждается действиями спартанцев против афинян, отказом в помощи Аристагору из Милета и подготовкой к обороне против персов.

В. М. Строецкий

THE AFRICAN AND SICILIAN EXPEDITIONS OF DORIEUS

by V. M. Strogetsky

Herodotus's account (V 39—46) of the dynastic quarrel between Cleomenes and Dorieus and of the latter's attempts to plant colonies in North Africa and Western Sicily is important material for the history of Sparta in the second half of the VI century B. C.

⁶⁴ Эта традиция отразила стремления греков и прежде всего жителей дорийских полисов (Родос, Книд) покорить Западную часть Сицилии. Происхождение этой традиции исследователи связывают со Стесихором, который написал поэму «Γήροβυλις» о походе Геракла на Дальний Запад. Сюжетом для этой поэмы, полагает Т. Данбебин, могла послужить сицилийская экспедиция Пентатла (D u n b a b i n, ук. соч., стр. 330 сл.).

⁶⁵ Об участии Дориея в разгрома Сибариса Геродот дает противоречивые свидетельства (H e r o d., V, 44, 45). По данным других источников, Дорией принимал участие в этой войне (D i o d., XII, 9; A t h e n., 520 cd; A e l i a n., VH, XVI, 23; S t r a - b o., 263). Ср. M e y e r, Geschichte des Altertums, III, стр. 749; D u n b a b i n, ук. соч., стр. 349, 362; S t a u f f e n b e r g, Dorieus..., стр. 187 сл. См. против этого В e l o s c h, Griechische Geschichte, I (1), стр. 384; N i e s e, Herodotstudien..., стр. 419 сл., 450 сл.

⁶⁶ N i e s e, Herodotstudien..., стр. 422, № 1.

⁶⁷ D u n b a b i n, ук. соч., стр. 350; Ш и ф м а н, ук. соч., стр. 76.

The rival claims of Cleomenes and Dorieus reflected the conflict between the kings and the ephors. By compelling Anaxandrides to take to wife a woman (from the kin of the noted ephor Chilon) who became the mother of Cleomenes the ephors meant that this woman's child should inherit the kingship and be subject to their influence. Taking into account the major change in Spartan foreign policy at that time, the author concludes that the ephors, and later Cleomenes, stood for the new policy, which was essentially that of renouncing wars of conquest and consolidating Spartan domination by the creation of a Peloponnesian alliance. Anaxandrides and after him Dorieus were exponents of the old aggressive policy. After losing the kingship to Cleomenes, Dorieus decided to quit Sparta. At that time Sparta had no economic interests in either of the regions proposed by Dorieus for colonisation. The evidence suggests that purely political considerations moved the Spartan government first to grant Dorieus permission and men to found a new settlement in North Africa and then to take an active part in organising his later colonising expedition to Sicily. Since they would create new centres of Spartan influence, the projected expeditions would not conflict with the new aim of Spartan foreign policy. The ephors may also have feared that the dispute between Dorieus and Cleomenes might lead to disorders at home, embarrassing to Sparta at a time when war with Athens was drawing near. The expeditions of Dorieus were manned mostly not by Lacedaemonians but by Theraeans, Cyreneans, Samians, Rhodians and Cnidians, who were interested in clearing North Africa and Western Sicily of Carthaginians and put their hopes in Spartan leadership. The testimony of Herodotus about Dorieus's expeditions also reveals certain characteristic traits of Spartan colonisation. First, the government controlled the organisation of such enterprises and selected the colonists, thus limiting the participation in them of their own citizens. Second, the Lacedaemonians opened wide opportunities to citizens of other Greek states to join in these expeditions. Third, the Spartans put their colonial enterprises to use in achieving their hegemonial aims. Fourth, although they welcomed colonists from other cities, the Spartans chose oikists (of which there were usually several) from among their own people.